

Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья

Власть препятствует самоорганизации общества, все упорнее заменяя ее сплочением на основе страхов пред врагами внешними и внутренними | ЭМИЛЬ ПАИН

П рисутствие во всех толковых словарях русского языка слова «безвременье» указывает на его типичность — как для языка, так и для российской истории. При этом ни у лингвистов, ни у философов нет существенных разногласий в трактовке этого термина, понимаемого как «тяжелые времена», «эпоха общественного застоя». Основным содержанием такой эпохи является отсутствие образа позитивного будущего у большей части общества: «Его грядущее — или пусто, или темно». В стихах Лермонтова, написанных в 1838 году, за этой строкой следует описание характерного для *безвременья* состояния общественной апатии и политической сервильности:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы ¹.

Впоследствии Гебриел Алмонд и Сидни Верба назвали подобный тип сознания подданнической культурой, противоположной культуре гражданского участия ². Еще позже

социолог Роналд Инглхарт определил этот же тип сознания как культуру простого выживания — «самосохранения», в противоположность стадильно более высокой культуре развития — «самовыражению» ³. Так или иначе, в начале второго десятилетия 2000-х годов в России отчетливо проявляется важнейший признак застоя-безвременья: *общество осознает отсутствие перспектив*. Это признается даже в кругах, близких к государственному истеблишменту. Например, руководитель ВЦИОМ Валерий Федоров, походя оценивая уменьшающиеся политические перспективы «белоленточной» оппозиции, вынужден констатировать в январе 2014-го отсутствие перспективных ориентиров и у нации в целом («теперь мы, по сути, топчемся на месте»). Для массового сознания россиян характерна апатия, «разброд и шатание» и преобладающая ориентация на простое выживание и возвращение («порой достаточно искусственное») к архаическим, патриархальным ценностям, целенаправленно противопоставляемым ценностям модернизации ⁴.

В условиях, когда власть не способна предложить обществу перспективу позитивного

будущего, единственным способом сплочения оказывается мобилизация против общего врага. Следствием этого являются различные формы враждебности к «чужому» — в России нарастает ксенофобия. Кто-то назовет это ростом русского национализма, поскольку в обыденной речи термины «ксенофобия» и «национализм» используются как синонимы, но это ошибочное толкование. Так случилось, что в феврале—марте 2014-го в период наивысшей, по крайней мере, за последние четверть века накачки российского общества идеями ненависти к врагам в связи с политическим кризисом на Украине, основным объектом ксенофобии стали как раз националисты, правда не русские, а украинские, которых часто называют «фашистами-бендеровцами» и «агентами влияния Запада». Такой «антинационализм» косвенно затронул и русских националистов. Некоторые из них воспринимают нынешнюю официальную пропаганду ксенофобии как враждебную себе. Их отношение к событиям на Украине, к Евромайдану, как мы еще покажем, оказалось не таким как у российской власти и поддерживающей ее части (большинства) российского общества. Не исключено, что в будущем провластные ксенофобы и многие русские националисты могут оказаться по разные стороны политического водораздела. Политическое размежевание представляется мне все более вероятным в связи с последними событиями на Украине и действиями России в украинском кризисе. Так или иначе, вопрос о месте русского национализма в российской политической жизни, как сегодняшней, так и завтрашней, остается открытым и весьма актуальным.

Украинские события дают возможность четче обозначить смысловые границы понятия «эпоха безвременья». По мере втягивания России в украинский кризис и особенно в ситуацию на Крымском полуострове в марте 2014 года стало заметно, как из ненависти к

общему врагу (Майдану, украинским националистам и Западу) вырастает подобие политической перспективы, предъявляемой российскому обществу. Эта перспектива — «возвращение России Крыма». Возможно, из этого исторического эпизода сформируется долгосрочная целевая установка властей на территориальную экспансию — возврат в состав России и других русских земель. В нынешних исторических условиях представляется маловероятным, что власть может выдвинуть (и тем более реализовать на практике) широкие имперские цели в отношении территорий за пределами Крыма. Тем не менее в сугубо теоретических целях отмечу, что в указанном случае Россия выйдет из состояния безвременья. Как говорилось выше, основным его содержанием является политическая апатия, демобилизация общества в условиях отсутствия ясных перспектив развития страны — перспектив любого типа, как созидательных, так и разрушительных, милитаристских, экспансионистских. В нашей тарковке, безвременье — это преходящее историческое явление, характерное для эпох политического и социального застоя, обычно следующее за периодом фрагментарных реформ и предшествующее по крайней мере в некоторых случаях эпохам революционных перемен.

У меня нет сомнения в том, что после «крымских событий» марта 2014-го политическая ситуация в России будет меняться и эпоха «безвременья» сравнительно быстро уступит место какой-то другой, однако статья была написана в основном до этих событий. В ней излагаются результаты коллективного исследования, проведенного для выявления взаимосвязи между рядом важных признаков российского безвременья, сложившегося в первой декаде 2000-х, и процессами нарастания ксенофобии, а также для показа сложной динамики национализма в российском обществе. Нас интересовала эта взаимосвязь у представителей этнического большинства,

составляющего 80 проц. населения России. Приступая к исследованию, мы исходили из предположения, что безвременье, безусловно, способствует подъему ксенофобии. Но мы не ожидали, что взаимосвязь национализма и безвременья окажется столь неоднозначной.

Причудливые последствия «психологии осажденной крепости»

Начну с экспозиции нынешнего состояния общества в рассматриваемой сфере. Мониторинговые исследования Левада-Центра показывают, что сложившийся к концу 2013-го уровень ксенофобии в разных ее проявлениях беспрецедентно высок – выше, чем когда-либо за последнее десятилетие.

Особенно заметно возросла подозрительность россиян в том, что касается внешних врагов России, прежде всего Запада, что в значительной мере является результатом официальной пропаганды. При этом антизападная риторика особенно активна, поскольку использование других направлений мобилизационного сплочения существенно ограничено. С так называемыми «происками Запада» официальная пропаганда связывает все расширяющийся спектр угроз. Ныне это не только активность правозащитников (сплошь «иностранных агентов»), но и подъем «белоленточного» или «оранжевого» движения, а в последнее время даже теракты в России, хотя в реальности исламистские тер-

рористы настроены еще более антизападно, чем российские силовики. Под воздействием пропаганды происходит и расширение представлений россиян о географии «происков». Если еще в 2012 году основной «внешний враг» прочно ассоциировался в сознании с США, то в 2013-м, особенно осенью, когда началась информационная кампания по предотвращению сближения Украины с ЕС, резко ухудшилось восприятие россиянами Европейского сообщества, которое стало восприниматься как враждебное.

Резко выросла и неприязнь к мигрантам из южных республик бывшего СССР, а также из северокавказских республик России. В то же время популярность лозунга «Россия для русских» растет без значительных всплесков, монотонно и последовательно вот уже четверть века⁵. Как отмечали социологи Центра стратегических разработок (ЦСР) в июле 2013-го, «показатель тревожности в российском обществе оказался чрезвычайно велик». Тогда чувство тревоги испытывали 65 проц. россиян, а среди респондентов-москвичей «тревожных» оказалось еще больше – 84 процента. При этом россияне говорили, что страх и недовольство у них вызывают Запад, абстрактные чиновники и мигранты⁶.

Мы еще не один раз вернемся к причинам заметного скачка ксенофобии, пока же отметим, что массовое сознание большей части россиян демонстрирует признаки «психо-

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ В РОССИИ (В ПРОЦ. К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)					
Годы	2004	2009	2011	2012	2013
Есть ли у России враги?	65	69	70	63	78
«Россия для русских» (разные уровни поддержки лозунга)	55	54	55	56	66
Раздражение, неприязнь и страх по отношению к выходцам из Средней Азии и Кавказа	48	33	39	47	59

Источник: Левада-Центр

логии осажденной крепости», для которой характерны многочисленные фобии по отношению к внешним и внутренним «врагам». В современных российских условиях возникновение такой массовой психологии кажется вполне закономерным. Удивительно, однако, что при бурном росте ксенофобии у представителей этнического большинства в его среде не наблюдается, казалось бы, неизбежного подъема организованного русского национализма.

Пора определиться с тем, что же мы понимаем под термином «национализм». В рамках

националистической консолидации и поэтому переходят из сферы массовой ксенофобии также и в сферу идейного, политического национализма. Однако такая трансформация характерна в неодинаковой мере для разных типов национализма, а главное, она не отражает специфику националистической идеологии. Нам ближе ее политологические определения, в частности, те, которые восходят к теории народного суверенитета. Их развивал еще Жан Жак Руссо более чем два века назад, а ныне разделяют современные неолиберальные философы⁸. В соответствии

“Антизападная риторика особенно активна, поскольку использование других направлений мобилизационного сплочения существенно ограничено”.

данной статьи нет возможности дать даже самый краткий обзор многочисленных и во всех случаях весьма спорных определений и типологий национализма, накопившихся в мировой науке с начала прошлого века⁷. Отмечу лишь несколько особенностей, отличающих используемую здесь дефиницию от наиболее распространенных в России обыденных представлений о национализме. Во-первых, мы различаем *национализм* как систему концептуально оформленных идей и *ксенофобию* как дорассудочную (предрасудочную) форму массового сознания, воспринимающего «чужака» (в социальном или культурологическом смысле этого слова) с недоброжелательностью разной интенсивности — от настороженности до ненависти. Во-вторых, наше определение национализма расходится с тем оценочным и сугубо негативным подходом, который распространен в России — с трактовкой национализма как идеи превосходства одной этнической общности (этнической нации) над другой. Разумеется, психологические противопоставления «мы — они», «свой — чужой» важны для

с этой теорией, народ-нация является единственным источником суверенной власти в государстве, а национализм как политическая сила настаивает либо на соединении нации и государства в тех случаях, когда народ лишен своей государственности, либо на закреплении ведущей роли нации в сложившемся государстве. Как отмечает один из ведущих теоретиков современного русского национализма Константин Крылов, «национализм считает, что государство — ценность вторичная. Страна существует для народа, а не народ для страны»⁹. В политическом смысле последовательный национализм противоположен имперской идеологии, отстаивающей не народный суверенитет, а суверенитет повелителя (*imperator*). В этом качестве может выступать монарх или олигархическая группа. Однако в трактовках понятия «народ-нация» существуют различия. В концепциях *этнического национализма* статус государствообразующей нации присваивается какой-то одной этнической общности (*ethnicity*), тогда как *гражданский национализм* рассматривает в качестве государствообразующей нации все

гражданское сообщество (*nationality*) вне зависимости от этнических или иных культурных различий между гражданами. Гражданский национализм, как показали многочисленные примеры формирования государств-наций, способствовал объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения общих политических целей. Этнический же национализм, напротив, раскалывает гражданское единство и опирается на ксенофобию как важнейший источник мобилизации и сплочения

и правыми, красными и черными, антизападными и прозападными. И все же важнейшей причиной политической слабости русского национализма, на наш взгляд, является то, что федеральные и региональные власти разоружили националистов идейно, перехватив у них наиболее популярные лозунги.

Так или иначе, политическое влияние самодеятельного русского национализма не растет даже в условиях взрывного подъема этнических и религиозных фобий в России. Численность участников «Русского марша»,

“Русским националистам, несмотря на рост ксенофобии в России, не удалось за последние двадцать лет оформиться в сильное политическое движение”.

своих сторонников. Вместе с тем наличие психологических ресурсов политической мобилизации не всегда создает возможность их реального освоения в политической практике. Вот и русским националистам, несмотря на рост ксенофобии в России, не удалось за последние двадцать лет оформиться в сильное политическое движение.

Мы еще вернемся к причинам этого явления, пока же отмечу лишь те, которые связаны с действиями государственной власти. Ей удалось последовательно разрушить крупнейшие организации русских националистов, которые в разные годы претендовали на роль ведущей силы и объединителя националистических партий и движений в России. В 1990-е это было общество «Память», затем Общероссийское общественное патриотическое движение «Русское национальное единство» (РНЕ). В начале 2000-х власти сумели расколоть, обезглавить и поставить вне закона движения наци-скинхедов, а к 2011 году — «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). Националистам не удается преодолеть идейные расколы и противоречия, существующие между разными течениями: левыми

которая является основным показателем организационной и политической сплоченности русского национализма, не увеличивается, по крайней мере в Москве¹⁰. Исследования Института социологии РАН показывают, что политическая поддержка русского этнического национализма к 2011-му остановилась и в ближайшем будущем, по мнению этих экспертов, не вырастет¹¹. По данным исследования, выполненного агентством социальных технологий «Политех» в мае—июле 2013-го, за партию русских националистов на выборах в Госдуму проголосовало бы не более 6 проц. граждан¹². В какой-то мере этот вывод подтверждается и результатами опросов Левада-Центра, показывающими, что в настоящий момент ни одна политическая сила в России, за исключением партии власти, не может на федеральных выборах рассчитывать на поддержку более чем 10 проц. респондентов¹³. В интернет-аудитории доля поддерживающих политические силы, не входящие в партию власти, как правило, оказывается чуть выше, чем в среднем по общероссийской выборке, но различия эти очень незначительны.

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере руководимая мной исследовательская группа пыталась определить идеологический портрет современной России. Методология этого исследования подробно изложена в нашей коллективной статье¹⁴. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп легко узнается по названию вроде «Я русский», «Наша Родина – Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения не выявляют. Например, мы выделили наиболее популярные и устойчивые темы обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и смысловые конструкции.

Мы идентифицировали четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. И так же, как в исследованиях Левада-Центра, наиболее многочисленной оказалась группа поддерживающих партию власти. После детального изучения мы дали ей другое название – «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии Владимира Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но в 1990-е многие из этих людей поддерживали партию «Наш дом – Россия», созданную Борисом Ельциным, а в свое время – и либералов Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Впрочем, все четыре идеологических течения не новые, они появились в России еще в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии – коммунистов.

Конформизм – вот свойство, которое, прежде всего, отличает самое многочисленное постсоветское социальное сообщество, использующее в качестве главного признака самоописания словесную конструкцию «мы – большинство» или «мы как все». Другой характеристикой этой инертной массы, самого крупного осколка имперского, советского общества, является спрос не только на «хлеб и зрелища», но и на страх. Отмечу, что у каждой из четырех выделенных групп выявился свой тематический конек, своя область интереса. Левые проявляли наибольший среди всех групп интерес к идеологии, теории идейных течений; националистов сильнее других привлекают вопросы самоорганизации и здорового образа жизни (что неудивительно); а либералов – общение как таковое, беспредметный «стеб». Советские конформисты лидируют по интересу к различного рода *story*. Более 70 проц. всего контента социальных медиа в этой группе занимают обсуждения и перепосты повествований различного рода, среди которых особенно популярны разные «страшилки»: об эпидемиях и стихийных бедствиях; о столкновениях Земли с вземными объектами; мистические страхи конца света и, разумеется, угрозы завоевания России внешними врагами.

Пятерка самых популярных, то есть часто обсуждаемых среди пользователей Рунета, политических публикаций и телевизионных передач за 2012 год включает в себя материалы о заговоре Запада против России:

Фурсов А. Сирия дальний рубеж России (с 4.06.2012 по 11.06.2012). *Он же.* Бьют по Сирии, а целятся в Россию! (с 6.08.2012 по 13.08.2012);

Якименко В. О возможности повторения в России «Ливийского варианта» (с 22.08.2011 по 29.08.2011);

Дугин А.: Армия сатаны атакует: о происках Запада в России (с 3.09.2012 по 10.09.2012);

Мамонтов А. Фильм «Шпионский камень» (с 16.01.2012 по 23.01.2012) о сотрудничестве российских правозащитников с английской разведкой;

Серия статей, посвященная критике вступления России в ВТО (в течение всего года).

Важная особенность группы «советских конформистов» в Рунете в том, что она не только самая консервативная, но и самая старая по возрасту. В этом смысле она диаметрально отличается от русских националистов — самой молодежной группы в Сети.

тического крыла русских националистов в той или иной форме поддержали ненавистный российским властям Майдан. Наиболее последовательно это сделал «Национал-демократический альянс» (НДА). Лидер этой организации Алексей Широпаев в своем Живом Журнале сравнивал Майдан с восстанием против Орды и оценивал киевские события как цивилизационное историческое событие, освобождение славян от дикости¹⁵. С большей осторожностью оценивали Майдан русские националисты, группирующиеся

“Представители власти, прежде всего региональной, сумели перехватить у националистов популярные ныне идеи ограничения миграции”.

Различаются они и по отношению к действующей власти — националисты из сторонников власти все в большей мере превращаются в ее критиков.

Российская власть, перехватывая наиболее популярные идеи русских националистов, казалось бы, должна была стать ближе им идейно, но такой вывод не соответствует реальности. Во-первых, власти всех уровней стремятся подавить общественную самоорганизацию, и это не может не затрагивать и организации русских националистов, подвергаясь тем или иным формам репрессий, что, разумеется, вызывает недовольство их членов. Во-вторых, власть идейно сближается лишь с одним из течений русского национализма, наиболее архаичным его проявлением — имперским национализмом, шовинизмом, и одновременно отдаляется от тех направлений, которые позиционируют себя как «национал-демократы». При этом предмет разногласий власти с частью националистов может оказаться весьма неожиданным — например, таким предметом разногласий стали события в Киеве в начале 2014 года. Представители национал-демокра-

вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали своей поддержки Майдана, видя в нем, прежде всего, доказательство значительной политической роли этнических националистов в украинском обществе. С таких позиций «Похвальное слово Майдану» написал один из лидеров этой партии Владимир Тор¹⁶. Однако, когда российская власть заявила о готовности присоединить Крым к России, ряды ее оппонентов из числа русских националистов стали быстро редеть. Среди немногих националистических группировок, которые осмелились и тут проявить оппозиционность, наиболее заметным оказался НДА. Вместе с тем и другие русские националисты, даже в пылу радости по поводу возвращения русского Крыма, не хотят утратить политическое лицо и раствориться в общем хоре голосов, поддерживающих «мудрую власть». Поэтому та или иная мера оппозиционности по отношению к власти присуща многим представителям русского национализма. Например, с публичной критикой власти по крымской теме, неожиданно для многих аналитиков, выступил Дмитрий Дёмушкин,

лидер крупного националистического движения «Русские». Он усомнился в том, что российская власть стремится защитить русских в Крыму, поскольку она не защищает их в России. По его мнению, отторжение Крыма от Украины — это месть российских властей за Майдан, революцию, свергнувшая власть жуликов и воров¹⁷.

Еще заметнее расхождение позиций власти и русских националистов во внутренней политике. Представители власти, прежде всего региональной, сумели перехватить у националистов популярные ныне идеи ограничения миграции. Однако при этом власть имущие сознательно используют широкое толкование миграции, чтобы растворить в ней проблему российских граждан, выходцев из республик Северного Кавказа; русские же националисты, напротив, особо выделяют проблему кавказцев в российских городах и республик этого региона в России. Визитной карточкой русских националистов стали лозунги: «Хватит кормить Кавказ» и «Кавказ не Россия». Странники этих призывов руководствуются не только этническими стереотипами, предрассудками в отношении кавказцев, но и вполне рациональными соображениями, вытекающими из анализа неоправданных диспропорций в распределении бюджетных средств между русскими регионами и республиками Северного Кавказа, в которых, к тому же, и наивысший в стране уровень нецелевого использования средств.

В связи с нарастающей критикой северокавказской политики властей происходят перемены в идейных основах русского национализма, который зарождался и на протяжении многих десятилетий был охранительным по отношению к самодержавию и имперскому устройству. Ныне же он становится все в большей мере антиавторитарным и антиимперским. В этом сторонники русского национализма резко расходятся с основной группой защитников нынешней

власти, сторонников не только сохранения, но и ужесточения имперского порядка. По многим признакам выходит, что сегодня в России вовсе не националисты являются главными потребителями идей ксенофобии. Во всяком случае, в риторике представителей национал-демократии в категории этнически «чужих» оказывается меньше «врагов», чем у политически противоположной им общности старых советских конформистов, бывших имперских интернационалистов, для которых слово «националист» — бранное.

Мифология стабильности

В упомянутом интервью директора ВЦИОМ излагается идея о том, что застой, переименованный служивыми аналитиками в «стабильность» и «безопасность», является необходимым трамплином к последующей модернизации, в том числе и политической¹⁸. Эта интеллектуальная эквилибристика о застое как источнике развития напоминает положение советского истмата об изживании государства в процессе его укрепления. Но ведь и независимые аналитики называют политически стабильным период, наступивший после спада активности оппозиции в России. Мы же предлагаем другую версию оценки этого периода — как смены форм нестабильности.

Центр стратегических разработок в июле 2013-го представил доклад, в котором отмечал, что «за год после политических протестов, если взять последней его датой события на Болотной площади 6 мая 2012 года, президент Владимир Путин, “Единая Россия” и в целом власть смогли “успокоить” население»¹⁹. Вместе с тем авторы этого доклада обратили внимание на совершенно неожиданный для них взрыв этнических бунтов. На первой же странице доклада они признались: «...В отличие от предыдущих докладов, мы даже не пытаемся дать обоснованное объяснение причин происходящего»²⁰. Мне же

происходящие перемены не кажутся непонятными и непредсказуемыми. Напротив, этого следовало ожидать: ведь до политических выступлений конца 2011 – начала 2012-го все протестные движения двухтысячных годов, которые начинались с критики тотальной коррупции, быстро обретали форму этнического или религиозного противостояния. Этническая или религиозная окрашенность социальных протестов возникала в постсоветской России постепенно. Она была совершенно незаметна в 1990-е, но стала нарастать с началом нового века. Пожалуй, впервые это проявилось в ходе митингов против так называемой «монетизации льгот». В январе 2005 года я оказался во Владимире как раз во время массовых демонстраций против федерального закона № 122-ФЗ (о монетизации льгот) и был поражен тем, что наряду со стандартными лозунгами против олигархов (типа: «Народу – электричество, Чубайсу – электрический стул») в центре города было множество плакатов русских националистов с призывом: «Русский – помоги русскому». В 2006-м грянуло крупное межэтническое столкновение в Кондопоге (Карелия), которое привело к подъему русского национализма по всей России. В 2008-м, после дефолта, лозунги на демонстрациях против олигархов перемежались с антисемитскими. Именно за антисемитские лозунги в 2008 году в России к уголовной ответственности были впервые привлечены спортивные фанаты²¹. Эти события предшествовали взрыву националистической активности, который произошел 11 декабря 2010 года. В тот день

на Манежной площади в Москве состоялась самая многочисленная (на то время) манифестация русских националистов. Затем волна митингов и демонстраций с националистическими лозунгами перекинулась на 15 городов России. Поводом для этих волнений стало возмущение действиями коррумпированных полицейских, которые освободили подозреваемых в убийстве известного футбольного фаната Егора Свиридова. Похожая трансформация социальных протестов в этнические и религиозные наблюдалась и в других регионах России. В ноябре 2011 года в Махачкале состоялся самый многолюдный, многотысячный митинг против коррупции и произвола силовиков в республике, который быстро трансформировался в демонстрацию поддержки «истинного ислама». В конце 2011 года политические демонстрации в Москве несколько пригасили этнические и религиозные мотивы социальных протестов, однако, когда политические митинги стали сходить на нет, протесты вновь вернулись в привычное этническое русло, характерное для обществ с догражданской культурой.

Если в 2006-м в России за пределами Северного Кавказа было лишь одно крупное межэтническое столкновение – в Кондопоге, которое затем обсуждали несколько лет, то в 2013 году вспыхнуло сразу пять «кондопог» – крупных многодневных столкновений, так или иначе связанных с насилием; в некоторых случаях столкновения привели к человеческим жертвам. В июле они проявились в Пугачеве (Саратовская область), Среднеуральске (Свердловская область) и

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КРОВОПРОЛИТНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?»							
Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
В проц. к числу опрошенных	50	49	39	23	39	43	57

Источник: Левада-Центр, ноябрь 2013

Нурлате (Татарстан), а в октябре митинги и беспорядки на межэтнической почве, сопровождавшиеся поджогами автомобилей, погромами торговых предприятий и избиениями людей, произошли в микрорайоне Бирюлёво Западное на юге Москвы и в Петербурге, на крупнейшем вещевом рынке «Апраксин двор».

Кроме перечисленных погромов, в 2013 году были зафиксированы следующие эксцессы: столкновение кавказцев с полицией в Москве на Матвеевском рынке и митинг с требованием выселения кавказцев в стани-

Сибирском федеральном округе — на целых 84 процента. Возможно, отчасти прирост числа преступлений на почве экстремизма и этнической ненависти связан с изменениями системы учета подобных правонарушений. Но, так или иначе, именно такие данные были представлены в официальном докладе Генерального прокурора России. Кроме того, общий рост этнической агрессивности, пусть и нелинейный, подтверждается социологическими опросами, в частности, растущими опасениями граждан в связи с возможностью возникновения межэтнических

“В конце 2011 года политические демонстрации в Москве несколько пригасили этнические и религиозные мотивы социальных протестов”.

це Вешенская (Ростовская область, родина нобелевского лауреата Михаила Шолохова). Оба эпизода широко комментировались в прессе, но, кроме того, имели место десятки менее заметных столкновений русских с кавказцами, местного населения и приезжих по всей России. Все эти крупные и мелкие эпизоды — лишь малая часть проявлений обострившейся межэтнической обстановки в России. В апреле 2013-го генеральный прокурор Юрий Чайка, выступая в Совете Федерации с докладом о состоянии законности и правопорядка в РФ в 2012 году, сообщил, что за последние 9 лет число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности возросло в несколько раз: «По официальным данным, в 2004 году было зарегистрировано 130 экстремистских преступлений, а в 2012-м — уже 696»²². Большая часть этих преступлений так или иначе была связана с разжиганием этнической или религиозной ненависти. Причем феноменальный рост подобных преступлений зафиксирован в самых неожиданных регионах, например, в недавно еще относительно благополучном

конфликтов (см. таблицу 2).

Данные таблицы можно интерпретировать следующим образом: после событий в Кондопоге было некоторое затишье, данные о межэтнических конфликтах с жертвами не были известны широкой общественности, поэтому страх перед новыми конфликтами постепенно угасал (в 2009–2010 годах); а вот с 2011-го эти страхи стали вновь оживать, к 2013-му достигли беспрецедентно высокого уровня, охватив две трети населения России. Сегодня невозможно предсказать, где именно проявится очередной очаг, поскольку этнические конфликты все теснее переплетаются с религиозными, а последние — с терроризмом. В Волгограде на следующий день после теракта 21 октября 2013-го, а вернее уже в ночь на 22 октября, неизвестные забросали «коктейлями Молотова» здание мечети. Еще через два дня произошла вторая попытка отомстить за теракт поджогом мечети, уже другой, расположенной в другом районе. Высока вероятность, что попытки поджогов мечетей или иных мест скопления мусульман будут продолжаться как в Волгограде, так и в других

городах России. Так воспроизводится цепная реакция: русский этнический экстремизм усиливает исламский терроризм, который, в свою очередь, подталкивает новые вспышки русского экстремизма и национализма.

На наш взгляд, массовое осознание того, что застой не обязательно сопровождается стабильностью и безопасностью, — вопрос времени. Аналитикам уже сейчас должно быть очевидно, что застой приводит к деградации общества, резкому обострению межэтнических и межрелигиозных отношений, то есть к процессам прямо противоположным как стабильности, так и безопасности.

Режим доживания

Следствием российского застоя является еще и ускоренное старение населения, рост его смертности. Эти процессы, в свою очередь, способствуют росту ксенофобии и национализма. Демографические показатели нелегко использовать для целей политологического анализа, поскольку многие из них сильно зависят от предшествующих этапов демографической эволюции и лишь косвенно связаны с управленческими решениями.

Вместе с тем существуют и такие демографические показатели, которые теснее связаны с актуальными условиями существования, например, средняя продолжительность жизни. Не случайно в группе с самыми высокими показателями средней продолжительности жизни (свыше 80 лет) оказались только страны с признаками самого высокого качества жизни, например, по доходу на душу населения. Это Швеция и Швейцария, Канада и Япония, Андорра, Сан-Марино и др. Очень близки к этой группе по показателям душевого дохода все скандинавские страны, Финляндия, Германия, Великобритания, Нидерланды, Бельгия, США и многие другие страны, в которых и показатели средней продолжительности жизни (между 78–79 годами) не намного уступают группе лидеров. В России

же на 2013 год средняя продолжительность жизни составляла: 66,05 лет — общая; 59,1 — у мужчин; 73 года — у женщин. Наша страна занимала по этим показателям 129-е место в мире, находясь в одной группе со слаборазвитыми странами Азии и Африки²³.

Согласно международным критериям, население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 проц., в России же, по данным Минтруда, эта доля почти вдвое выше, она составляет 13 проц. и продолжает увеличиваться²⁴. При том, что в России, как и во многих странах Европы, население старое, наши пожилые люди, в отличие от европейских, живут недолго. Последнее обстоятельство оказывает существенное влияние на социально-экономическое положение в России. Попробуйте в нашей стране поднять порог выхода на пенсию мужчин до среднеевропейского уровня — 65 лет! Поскольку средняя продолжительность жизни российских мужчин немногим более 59 лет, в таком случае большая часть мужчин просто не доживет до пенсионного возраста.

Если оценить возрастную структуру российского населения по показателю ожидаемой продолжительности жизни, то окажется, что «население России с позиции «перспективы на жизнь», возможно, одно из самых старых в мире»²⁵. По этому признаку пятидесятилетний россиянин в 2013-м был «старше» своего формального, календарного ровесника из Швеции — на 21 год (то есть ожидаемая продолжительность его жизни меньше на два десятилетия), из США — на 15 лет и из Польши — на 9 лет. Основной причиной такой ситуации в России выступает высокая мужская смертность, в значительной мере связанная с алкоголизацией населения страны. Так называемый «перспективный возраст» (в отличие от календарного или «ретроспективного») снижается там, где у человека появляются перспективы на долгую жизнь.

Случай с Польшей особенно поучителен. Это тоже страна спиртовой культуры; еще важнее то, что с конца 1940 годов она была частью социалистической системы, в европейской части которой с середины 1960-х годов наблюдалась одна и та же картина старения, резко выделяющая эту часть мира от остальной Европы. Ко второй половине 1980-х в Польше и России сложилась практически идентичная демографическая ситуация. Однако, в отличие от России, в течение 1990–2006 годов перспективный медианный

материальной точки зрения мы себя чувствуем не хуже, чем до кризиса. Но раньше были ориентиры, была перспектива...»²⁷.

Ситуация, сложившаяся в условиях российского режима доживания, обуславливает рост ксенофобии еще и вследствие неравномерного распределения демографических ресурсов по регионам. Крупные города пополняются населением в трудоспособном возрасте почти исключительно за счет притока с периферии; чем дальше территория от регионального центра, тем более

“Застой приводит к резкому обострению межэтнических отношений, то есть к процессам противоположным как стабильности, так и безопасности”.

возраст мужского населения Польши снизился, тогда как в России вырос на 10 лет²⁶. Похожие перемены в то же время и по тем же социально-политическим причинам произошли и в других европейских странах, вышедших из бывшего социалистического лагеря, а несколько позднее – и в республиках Балтии. Оказалось, что переход страны из режима доживания к режиму развития приводит к росту в обществе ценностей самореализации, достижительности, а это напрямую влияет на стремление людей к поддержанию здорового образа жизни. В условиях же безвременья, напротив, интерес и воля к жизни падают. Они замещаются повышенным употреблением алкоголя, наркотиков или уходом людей в мир религии, иллюзий, мистики. Безвременье, безусловно, стимулирует различные формы недоверия к чужим, страху и ксенофобии. Это в косвенной форме признается и в упомянутом интервью Валерия Федорова: «Недоверие, которое является ахиллесовой пятой нашей системы, расцвело, потому что люди потеряли твердую почву под ногами. Не в том смысле, что оказались на улице или начали голодать – с

интенсивно там сокращается население²⁸. По данным экспертов Института демографии НИУ ВШЭ (опирающихся на анализ переписей населения с 1989-го по 2010 год), за это время большая часть городов России пополняла свое население, высасывая людские ресурсы из окружающей глубинки. Это приводит к ряду последствий. Во-первых, происходит постоянный отток населения из основной зоны расселения русских – территорий Центрального, Северо-Западного и Сибирского федеральных округов²⁹. Ныне на этих территориях практически исчерпаны демографические резервы для роста городов. Во-вторых, все более существенным источником пополнения городов трудовыми и демографическими ресурсами становятся районы с высоким естественным приростом населения – республики Северного Кавказа, а также государства Азии. Такой характер миграции усиливает ксенофобию, прежде всего мигрантофобию. Неприязнь к мигрантам, особенно применительно к выходцам из Северного Кавказа и Азии – то небольшое, что объединяет сегодня все без исключения течения русских националистов. Преступления с уча-

стием кавказцев и мигрантов из Азии — один из самых популярных сюжетов в крупнейших националистических интернет-сообществах.

Попытки с помощью телевизионной пропаганды «вытеснить» мигрантофобию другими страхами, например, перед вражеским Западом, — обречены на неудачу. Страх перед Западом носит исключительно виртуальный характер и зависит только от мощности пропагандистского сигнала, тогда как мигрантофобия так или иначе опирается на повседневный опыт. Например, упомянутые беспорядки в московском Бирюлево или в Петербурге («Апраксин двор») вызваны не

принимали. Понятно, что сами мигранты не обладают влиянием, необходимым для того, чтобы парализовать волю региональных властей, затягивавших решения по «Черкизнам», «Апрашкам» и «Бирюлевым». Но население обращает свой гнев не на чиновников и их финансовых лоббистов, а на мелкий люд, на мигрантов.

Ксенофобия и рациональные основания для массового недовольства неупорядоченными миграционными потоками прочно переплетаются в сознании. Этому способствуют действующие в вертикально иерархизированной стране простые механизмы психологи-

“Страх перед Западом зависит только от мощности пропагандистского сигнала, тогда как мигрантофобия так или иначе опирается на повседневный опыт”.

только ксенофобией, но и вполне рациональными причинами. Концентрация мигрантов (легальных и нелегальных) в этих местах, где они не только работали, но и жили, нарушала российские законы и представляла отнюдь не мнимые угрозы для местного населения. В Бирюлево предприниматели завозили молодых мужчин и держали их почти в тюремных условиях. У многих из этих парней еще дома сложились патриархальное отношение к «чужим» женщинам и архаичные представления о борьбе за них. (Кстати, эти особенности неправильно называть этническими — это социально-культурные характеристики, свойственные определенным группам разных этнических общностей.) На «Апраксин дворе» во многом повторилась ситуация легендарного Хитрова рынка в Москве, который в конце XIX — начале XX века был известен, прежде всего, как место концентрации пришедших преступных групп. В обоих случаях власти всех уровней были давно осведомлены о нарушениях закона и угрозах для населения, но ничего не пред-

ческой компенсации. Люди, испытывающие внутреннюю неудовлетворенность своим статусом, жизненными перспективами, склонны самоутверждаться за счет кого-то, кто, по их мнению, стоит ниже на социальной лестнице. В разных регионах возникает иерархия унижаемых. Так, московский бомж на Казанском вокзале самоутверждается, обзывая «чурками» прибывших южан; таджикский гастарбайтер кричит вьетнамскому: «Убирайся, откуда приехал»; в Чечне случались столкновения чеченцев с таджикскими мигрантами, а в Центральной России чеченцы и другие представители народов Северного Кавказа в разы больше притягивают к себе ксенофобию местного населения, чем выходцы из Средней Азии.

Так или иначе, ксенофобия становится неотъемлемой частью мироощущения большинства населения России и поэтому приобретает все большую ценность как политический ресурс. При этом в «вертикальных обществах», подобных российскому, риторика российских политиков в большей мере

способствует эскалации ксенофобии, чем аналогичные высказывания сугубо медийных фигур — популярных телеведущих и других известных общественных деятелей.

Популистская политика: ставка на ксенофобию и национализм

Популизм может иметь любую идеологическую направленность — левую или правую, консервативную или модернистскую, — но во всех случаях политики-популисты не стремятся к преодолению массовых предрасудков, напротив, они используют их в своих персональных интересах. Именно такая политика проявилась во время кампании по выборам мэра Москвы в 2013-м. Кампания сильно разогрела мигрантофобию в городе, а вслед за этим усугубила межэтнические отношения в целом по стране. В октябре 2012 года, согласно опросу ВЦИОМ в Москве, транспортные затруднения как проблему отметили 65 проц. опрошенных, а мигрантов — только 22 проц. Опрос ФОМ от февраля 2013-го дал транспортным неурядицам в Москве 55 проц., а проблемам, связанным с мигрантами, — 32 процента. Исследования других социологических центров также фиксировали, что именно транспортные проблемы являются для москвичей главными, причем с большим отрывом. Однако уже в июле 2013 года ситуация изменилась, и на первое место в опросах социологов, впервые за все годы наблюдений, вышла проблема нелегальной миграции и прочих «понаехавших» (в том числе и граждан России, чаще всего с Кавказа). В июльском опросе Левада-Центра проблему мигрантов назвали главной 55 проц. москвичей, а в московском опросе ФОМ — 44 проц. респондентов³⁰.

Почему же вдруг за лето в городе так обострилась миграционная проблема? Единственное летнее событие, которое могло взвинтить общественное мнение, настроив его против мигрантов и всех «чужих», была сама столичная избирательная

кампания. О проблеме мигрантов говорило большинство участников кампании, но самым активным был тогдашний и.о. мэра, а ныне избранный мэр Сергей Собянин. Свою избирательную кампанию он фактически начал еще в мае, постоянно повторяя, что избыток мигрантов является «главной проблемой города». Уже в ходе кампании, которая началась 13 июня, Собянин в очередной раз поднял тему мигрантов в Москве, отметив, что больше трети преступлений в городе совершают приезжие³¹. Постоянное злоупотребление антимигрантской риторикой со стороны представителя власти побудило лидера националистического объединения «Русские» Дёмушкина обвинить мэра в плагиате. «Эмигранты и Собянин — последний месяц я только это и слышал, — заявил Демушкин. — Более того, они даже умудрились своровать у нас несколько пунктов из программы, выступить с ними...»³².

Политические дивиденды от эксплуатации мигрантофобии пытаются получить и некоторые политики, позиционирующие себя как представители либерального направления. Наша исследовательская группа проанализировала выступления в «Живом Журнале» за 2010–2013 годы двух молодых политиков этого направления — Алексея Навального и Владимира Милова³³. У обоих националистический контент составлял малую долю от общеполитического, антикоррупционного, антивластного и реформаторского, однако любопытна динамика их националистической риторики.

Навальный начинал с националистических идей, пик его интереса к ним пришелся на декабрь 2010-го, когда произошла самая массовая демонстрация националистов. Но после избрания в Координационный совет оппозиции (октябрь 2012-го), где большинство составляли либералы, интерес Навального к этой тематике понизился³⁴, и его выступления сдвинулись в сторону общегражданской тематики.

Совершенно иная динамика политических взглядов прослеживается у Милова. Если в 2010 году политическое содержание занимало несоизмеримо большее место в его риторике, чем националистическое, то в 2012-м и особенно в 2013 году они почти сравнялись по объему³⁵, а политическая риторика Милова окрасилось в националистические тона. Получается, что Навальный владеет своим националистическим дискурсом и использует его в прагматических целях, тогда как Миловым националистический дискурс овла-

стрируют важные сдвиги, происходящие в русском националистическом движении. Прежде всего, это осознание принципиальных различий между националистическими ценностями, которые строятся на примате интересов народа-нации, и имперскими ценностями служения государю и державе. Переход русского национализма от имперской к национальной идеологии обозначился лишь в первой декаде 2000-х, и можно согласиться с Константином Крыловым, который говорит: «Начнем с того, что русский наци-

“Вероятный переход этнического национализма в гражданский может рассматриваться как возможная форма выхода из состояния застоя-безвременья”.

девает все в большей мере. Это заметно по содержанию его текстов последних двух лет. Например, в них часто в негативном смысле упоминается Владислав Сурков (бывший главный идеолог Кремля), но не в связи с его деятельностью, а лишь потому, что Сурков родственными узами связан с чеченцами. Ему приписываются несуществующие чеченские фамилии, примерно так же, как в 1990-е националисты придумывали еврейские фамилии Ельцину, Андрею Козыреву, Гавриилу Попову и некоторым другим политикам. Анализ изменений дискурса Милова важен потому, что он показывает весьма типичный переход от прагматического использования этнического национализма к заражению им как болезнью.

Если некоторые либералы не считают зорным высказывать ксенофобские взгляды, то представления некоторых бывших заурядных националистов порой развиваются в ином направлении, приближаясь к демократическим и даже отчасти либеральным ценностям. Известные русские националисты Константин Крылов, Владимир Тор, Валерий Соловей и многие другие, оставаясь в рамках этнического национализма, демон-

онализм в собственном смысле слова — явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных»³⁶. Действительно, русский национализм зародился как имперский, и до 1990-х в русском националистическом движении почти «всё сводилось к мечтам на тему “как бы нам обустроить империю”»³⁷. Отказ от идеи империи, переосмысление роли государства и общества уже привели немалую часть русских националистов к отказу не только от имперской ориентации, но и от поддержки самодержавной, авторитарной модели управления. Труднее и в самую последнюю очередь происходит освобождение от советской идеологии. «Когда советское государство развалилось, — отмечает Крылов, — все идейно русские силы выступили на стороне коммунистов. И в результате они не смогли выжать из себя ничего, кроме “красно-коричневого синтеза”», что, по мнению Крылова, и привело «русскую партию» к краху. Ныне же ситуация в рядах русского национализма радикально изменилась, и, по его словам, укрепляется представление, что «национализм и демократия — это практически одно и то же»³⁸.

Нельзя не признать, что в дискурсе ведущих теоретиков этого политического направления в России произошли существенные перемены. Дальше других по этому пути пошли сторонники Алексея Широпаева из «Национал-Демократического альянса». В этой организации заметен значительный сдвиг от этнического национализма к гражданскому. По крайней мере, сопредседатель партии Илья Лазаренко, ссылаясь на мнение и Широпаева, в 2013 году заявил об отказе НДА от базового требования русских этнических националистов: «Мы ни в коем случае, как уже сказал ... Широпаев, не призываем к провозглашению русской государствообразующей нации в России. С нашей точки зрения, Россия должна идти по пути Евросоюза и в итоге образовать с ним единую общность. По факту это единственное, что у нас есть в перспективе. Все остальное мне кажется абсолютным тупиком»³⁹.

Гражданский национализм — прорыв из застоя-безвременья?

Все сказанное выше должно было, на наш взгляд, показать, что русский национализм лишь до определенного момента способствует застою. На следующем этапе он в еще большей мере разрушает этот застой, а вероятный переход этнического национализма в гражданский может рассматриваться как возможная и исторически распространенная форма выхода из состояния застоя-безвременья. Пример стран Восточной Европы свидетельствует именно об этом. Национализм в этих странах прежде всего антиимперский, в его наиболее распространенной и классической форме — борьбы за национально-государственную независимость. Его пафос был мощным источником гражданской консолидации, которая позволила обществу-нации выстоять в трудные годы перехода из лагеря социализма в состав Европейского союза. Гражданская же солидарность, в свою оче-

редь, стала в какой-то мере заслоном от ксенофобии и этнического национализма, которые усиливались в годы «шоковой терапии», «левых поворотов» и других исторических испытаний⁴⁰.

Возможно ли развитие гражданского национализма в России? На это вопрос нет однозначного ответа. В России никогда не было национального государства, построенного на основе народного суверенитета. Теоретически говоря, идея *nation-building* может быть для россиян не менее привлекательной и перспективной, чем она была для жителей стран Восточной Европы и Балтии. Но у названных европейцев образ империи, из которой стремится вырваться новое национальное государство, ассоциировался с внешним врагом, а у России империя внутри. Смогут ли россияне выдать из себя империю?

В рядах русских националистов, как мы пытались показать, этот процесс происходит. Однако крымские события марта 2014 года отчетливо показывают, что путь от имперской идеологии к национальной одолела лишь небольшая часть националистов-теоретиков, именующих себя «национал-демократией». Большая же часть националистов остаются в границах традиционной для России парадигмы охранительного имперского национализма. Они предельно негативно оценивают киевский Майдан как прозападную русофобскую акцию. Егор Просвирин, один из наиболее популярных блогеров в этой группировке, в своих комментариях и на собственном сайте Sputnik&Pogrom демонизирует Майдан и торжествует по поводу воссоединения Крыма с Россией не в меньшей мере, чем основные российские каналы телевидения. В этом отношении «партия телевизора» и «партия интернета» работают весьма слаженно. Имперские националисты могут признавать необходимость отсечения каких-то частей имперского тела («Долой Кавказ»),

но и помыслить не смеют о преодолении имперского порядка, имперской социально-политической организации «кормлений» и централизации. Для них отказ от такого порядка означает отказ от самой России. Большинство русских этнических националистов чувствуют себя комфортно в рамках имперского проекта, в котором русским отводится роль «старшего брата» или «патриарха», выполняющего некую миссию по отношению к народам младшим, неразумным, склонным к беспорядкам вроде тех, что произошли в Киеве. Защитник империи не может встать на путь националиста как сторонника интересов нации. В империи нет и не может быть единого общества, нации в гражданском смысле этого понятия. В империи подданные связаны между собой только вертикалью власти. При этом власть препятствует самоорганизации общества, все упорнее заменяя ее сплочением на основе страхов перед врагами внешними и внутренними, то есть, ксенофобией, которая постепенно принимает тотальный характер. В таких условиях низовой национал-имперский национализм не может предложить ничего нового, поэтому самоорганизующиеся группы националистов политически не укрепляются, а их лозунги легко перехватываются властью. В России растущая ксенофобия — одно из состояний медленно затухающей империи, повелители которой используют для самосохранения новые мощные ресурсы манипулирования массовым сознанием. Уже в этом смысле, то безвременье, которое сейчас накрыло Россию, уникально — оно и не советское, и не безвременье периода Николая I.

Тем не менее есть основания предполагать, что и нынешнее безвременье близится к завершению. Эта эпоха порождает общественную апатию и на апатии в значительной мере держится. Но сейчас в России апатия сменяется высокой социальной тревожно-

стью. Действует своеобразный закон сохранения энергии: протестные настроения не исчезают, они лишь постоянно меняют форму, то проявляясь в виде политических движений, то превращаясь в этнические бунты, погромы и религиозно окрашенный терроризм.

Пока властям удастся использовать идеи национализма для самосохранения. Они эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с клерикализмом и искусственным «традиционализмом». Однако возможности такой эксплуатации не беспредельны. Сегодня для русского этнического национализма главным врагом, конституирующим «иным», выступает образ кавказцев и мусульман, поэтому заигрывание власти с таким национализмом представляет угрозу для сохранению имперского тела страны. Косвенная поддержка главами русских регионов антикавказских фобий уже вызывает растущее недовольство региональной элиты и населения в республиках, а это ставит под сомнение святая святых внутренней политики России — сохранение ее целостности. Антимиграционная риторика властей российских регионов противоречит другой целевой установке федеральной власти — на создание широкого Евразийского союза.

Власти Азербайджана в двух официальных нотах выразили недовольство высказываниями и действиями московских властей в ходе событий в Бирюлево. Власти государств Центральной Азии давно выражают озабоченность в связи с периодической депортацией своих граждан из России и еще больше — в связи с информационным сопровождением этих акций. Настоящую тревогу у всех стран СНГ вызвали российские действия по отношению к Украине в 2014 году, впервые официально мотивируемые «правом» России защищать русских за рубежом.

Нарастающая после крымских событий международная изоляция России несомненно усилит общий экономический кризис страны

и ее политической системы. Весьма вероятен в таких условиях рост недовольства населения. Оно уже заметно у значительной части общества и будет еще в большей мере проявляться не только во взрывах ксенофобии, но и в форме вполне рациональных претензий к сложившимся социально-политическим условиям. Вот уже несколько лет устойчиво растет доля россиян, выражающих недоверие «партии жуликов и воров». Последние два года этот лозунг поддерживает более половины населения страны.

В России растущая ксенофобия — это не только ответ массового сознания на информационные манипуляции им, но и проявление голода по несостоявшейся пока нации. Голод этот слабо сознается, но ощущается или угадывается политическим классом, поэтому политики примеряют к себе термин «националист», еще недавно считавшийся абсолютно неприемлемым, оскорбительным. Националистом себя величали Владимир Путин и Алексей Навальный, Михаил Ходорковский и Дмитрий Rogozin.

“Власти эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с искусственным «традиционализмом» и клерикализмом”.

Пока неизвестно, сдвинется ли общественный протест в России в политическую сторону. Однако на примере недавнего российского опыта вполне определенно можно говорить, что политические акции, в отличие от этнических беспорядков, продемонстрировали удивительные способности к консолидации. В политических демонстрациях 2011–2012 годов на Болотной площади и проспекте Сахарова принимали участие представители разных идеологических течений, политических взглядов, этнических общностей и религиозных воззрений. Солидарность граждан в решении общих для всех вопросов неизменно снимала болезненность восприятия культурных, этнических и религиозных различий, сохраняющихся веками. Можно надеяться, что такая же гражданская солидарность в обозримой перспективе проявится и в России в целом, хотя мой оптимизм не заходит так далеко, чтобы ожидать в ближайшие годы заметного снижения уровня ксенофобии. Напротив, есть все основания полагать, что ее уровень в марте 2014-го вырастет и побьет рекорд предыдущего года.

Сомневаюсь, что эти политики одинаково понимают смысл термина «национализм», однако симптоматично уже то, что позиционирование себя в качестве «националиста» рассматривается экспертами как признак больших политических амбиций.

В сегодняшней России происходят разнонаправленные процессы и, наряду с ростом этнических фобий, заметна и реабилитация идеи гражданской нации, появившейся в русском политическом дискурсе еще в начале XIX века задолго до появления этнического значения нации⁴¹.

Однако реальное становление гражданской нации в России, на мой взгляд, если и возможно, то в неблизкой перспективе, после преодоления куда более серьезных преград, чем те, что стояли перед гражданскими националистами в Восточной Европе, в странах Балтии и даже на Украине. В таких условиях особое значение имеет осмысление как самого проекта гражданской нации, так и тех политических сил, которые этот проект могут отстаивать и проводить в жизнь. В качестве попытки такого осмысления автор рассматривает данную статью. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Лермонтов М.Ю.* Дума // Три века русской поэзии. М.: Просвещение, 1968.

² *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963.

³ *Инглхарт Р.* Модернизационная теория и традиционная культура // Общая тетрадь. Вестник МШПИ. 2008. № 3/4. С. 47–57.

⁴ *Валерий Федоров.* «Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны». Интервью с генеральным директором ВЦИОМ Валерием Федоровым (<http://expert.ru/2012/12/28/valerij-fedorov-rossiyane-ne-ponimayut-chto-hotyat-belolentochnyie-smutyani/>).

⁵ Идею «Россия — для Русских!» поддержали 58 проц. респондентов // Левада-центр. 08.02.2011 (<http://pn14.info/?p=55504>).

⁶ *Берзина В., Кузьменко О., Нафанович С.* Протест окончен // Русская планета. 2013. 11 июля (<http://rusplt.ru/society/doklad-dmitreeva.html>).

⁷ См.: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2007. С. 4–23.

⁸ *Sorensen G.* Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution // Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 590–604; *Mendelson B.* Sovereignty Under Attack: The International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. P. 61–64.

⁹ *Константин Крюков.* Лучшие демократы получают из бывших фашистов (<http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>).

¹⁰ *Альперович В.* Ультраправые на марше. 2012. 30 дек. (<http://polit.ru/article/2012/12/30/nazi/>); «Русские марши»: менее опасны, чем погромы? Акция-2013 глазами специалистов по межэтническим проблемам и ксенофобии (<http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-march/1783565.html>).

¹¹ *Дробижнева Л.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: Опыт 20 лет. Институт социологии РАН, 2013. С. 245–247. См. также: *Дробижнева Л.*: Большинство россиян не поддержит националистов // Огонек. 13.02.2012 (<http://www.kommersant.ru/doc/1867141>).

¹² «Русские хотят, но проигрывают». 2012. 19 сент. (http://4pera.ru/news/picture_of_the_day/russkie_khotyat_no_proigryvayut_/).

¹³ Согласно общероссийскому опросу Левада-Центра, проведенному в ноябре 2011-го, за

«Единую Россию» готовы были голосовать 34 проц. всех респондентов и 34 проц. интернет-пользователей; за КПРФ — 4 и 9 проц., соответственно; за ЛДПР — 10 и 11 проц.; за «Справедливую Россию» — 7 и 8 проц., «Яблоко» — 1 и 2 проц.; «Правое дело» — по 1 проц.; партию «Патриоты России» — 1 и 0 проц. См.: *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — начале 2012 г.: Истоки, динамика, результаты / Рукопись доклада. М., Левада-Центр. Сент. 2012. С. 22.

¹⁴ *Паин Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С.* Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

¹⁵ *Широпаев А.А.* (<http://shiropaev.livejournal.com/>).

¹⁶ *Тор В.* Похвальное слово Майдану. 11 дек. 2013 (<http://rosndp.org/pohvalnoe-slovo-majdanu.htm>).

¹⁷ *Дёмушкин Д.* (http://m.youtube.com/watch?v=AVwsOYskLTk&feature=player_embedded).

¹⁸ *Федоров В.* Указ. соч.

¹⁹ Новое электоральное равновесие: среднесрочный тренд или «временное затишье»? // Доклад ЦСР. Июль 2013. Доступно в Интернете: (<http://new.csr.ru/index.php/ru/published-works/media/2581-r>).

²⁰ Там же.

²¹ Проявления антисемитизма в России и противодействие ему со стороны государства. Выступление А. Верховского в Вене 17 марта 2009 года. Доступно в Интернете (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2009/03/d15514/>).

²² Юрий Чайка рассказал сенаторам о статистике преступлений экстремистской направленности (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2013/04/d26917/>).

²³ Средняя продолжительность жизни в России и странах мира в 2013 году (<http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html>).

²⁴ Население России стареет, 13 проц. граждан старше 65 лет, сообщает Минтруд // РИА Новости. 2013. 5 июля (<http://ria.ru/society/20130705/947795397.html>).

²⁵ *Васин С.* Население России стареет быстрее других стран // Демоскоп Weekly. 2008. 15–31 дек. № 357–358 (<http://polit.ru/article/2008/12/28/demoscope357/>).

²⁶ Там же.

²⁷ *Федоров В.* Указ соч.

²⁸ *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Некоторые итоги анализа зависимости межрайонной мигра-

ции в России от расстояния (demoscope.ru/weekly/2013/0573/biblio/bib_mkrt.php).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Собянин и Навальный делят националистов // Телеканал «Дождь». 2013. 20 июня (http://tvrain.ru/articles/sobjanin_i_navalnyj_deljat_natsionalistov-346162/).

³² Там же.

³³ См. подробнее: *Паин Э.А.* Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 24. С. 62–72.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 72.

³⁶ *Константин Крылов.* Лучшие демократы получают из бывших фашистов (http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *Лазаренко И.* Выступление в дискуссии X Старовойтовских чтений. Москва, НИУ ВШЭ. 20.11.2013 (<http://www.kennan.ru/index.php/Sobytiya/Starovojtovskie-chteniya/Desyatye-Starovojtovskie-chteniya/Diskussiya>).

⁴⁰ Правда, этнический ксенофобный национализм иногда прорывается сквозь заслоны национализма гражданского. Так было в Польше во времена президента Леха Валенсы, это заметно в Венгрии сейчас при правительстве, возглавляемом Виктором Орбаном. Однако в обоих случаях этнический национализм ограничен самим фактом включенности этих стран в ЕС. Здесь он рассматривается как аномальный, предвзятый и осуждаемый европейским общественным мнением. Главное же, что европейская идентичность большинства населения превращает этнический национализм в этих странах в исторический эпизод, в мерцание угасающего явления. Сошлюсь на мнение специалиста по польскому

национализму: «У польского национализма возникли новые проблемы: действительно упало общественное значение костела. Урбанизация, а еще больше интеграция в ЕС и НАТО принесли с собой либерализм. Либерализм сократил пространство веры, а участие в западных институтах ограничило возможности для фундаменталистских движений и решений... Новый польский национализм принял внутрь своего духовного тела европеизм и «демократические ценности», которые пришли на смену католическому духовному началу. Именно вокруг адаптации к европейским ценностям произошла дивергенция внутри Польши... Похожие процессы, кстати, проходят во всех восточноевропейских странах. Везде традиционный национализм трансформируется в современный консерватизм, везде возникает сильный либеральный национализм «молодых прагматиков», обращенный к поиску как можно более высокого места своих стран внутри ЕС и НАТО». См.: *Бойченко А.* Польские националисты: сегодня, завтра, вчера... (<http://antifashist.com/latest-news/18927-polskie-nacionalisty-segodnja-zavtra-vchera.html>).

⁴¹ Гражданское понятие нации в том виде, в каком оно появилось в Декларации прав человека и гражданина (1789) стало известно российской элите почти сразу же вслед за Францией. В таком значении оно использовалось с 1790-х до середины 1860-х годов. Отношение к нему менялось от положительного во времена молодого Александра I (в 1797 году Александр, тогда наследник престола, предполагал, что, после того как он дарует конституцию, «нация изберет своих представителей») до крайне негативного во времена Николая I. Однако другого понятия нации не было более 70 лет. Лишь в 1864-м впервые появилась этническая трактовка нации в словосочетании «национальный вопрос». См.: *Миллер А.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. №1 (<http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>).